В течение следующих нескольких дней в городе Цзян шел дождь, но когда небо прояснилось, тучи уступили место ясному небу.

Сюй Минчжу потащила Тан Шуми в торговый центр, но на полпути они попали в художественную выставку.

— Шуми, если ты так любишь смотреть на картины, почему ты не пошла в университет, чтобы открыть собственную художественную выставку? — Тан Шуми уже час рассматривала картины, но не выказывала ни малейшего намерения уходить. Но Сюй Минчжу действительно не могла найти удовольствия в подобных развлечениях. Если картины выглядела красивыми, то она считала их красивыми, но она видела только цветы.

Но Тан Шуми видела не только цветы.

— А кто сказал, что нет? Я уже десять лет практикую, — в данный момент Шуми рассматривала картину под названием «Мышь в лунном свете».

Удивленная Сюй Минчжу сказала:

— Разве ты не окончила математический факультет Кембриджа?

— Да, — Тан Шуми придвинулась чуть ближе и рассматривала технику рисования, — я занимаюсь живописью с тех пор, как начала учиться в шесть лет.

С шести до шестнадцати лет она два года рисовала, три года пользовалась гуашью и пять лет писала маслом.

— О, — Сюй Минчжу кивнула в знак согласия. До того, как Шуми вернулась домой, Сюй Минчжу только слышала ее имя и не слишком много знала о ее прошлом.

— Тогда почему ты училась на математика? — вместо этого стоило изучать предмет, связанный с искусством!

Тан Шуми на мгновение замолчала, тонко и отчетливо проговаривая несколько слов:

— Потому что это была трудная тема.

Сюй Минчжу: «…»

— Серьезно? — спросила она.

Конечно, Тан Шуми была серьезна, в тот год, когда она выбирала свою специальность, она учитывала только три фактора: Было ли это трудно? Насколько это было трудно? Сможет ли Тан Цы научиться этому?

В результате Тан Шуми в конце концов выбрала то, что не имело никакого отношения к живописи и чему Тан Цы не могла научиться – алгебраическую геометрию.

В те дни, после того как Тан Цы вошла в семью Тан, если она когда-нибудь замечала, что Тан Шуми чему-то учится, она поднимала шум о том, что тоже хочет этому научиться. Хотя Шуми это раздражало, она понимала, что это ее дело и не имеет к ней никакого отношения.

До тех пор, пока однажды в школе не устроили художественную выставку, которая позволила студентам представить свои собственные произведения искусства для оценки. Тан Шуми задрала нос, потому что не хотела, чтобы ее собственные драгоценные работы, в которые она изливала свои эмоции, подвергались критике со стороны учителей и студентов, которые не понимали искусства.

Однако, ее картины необъяснимым образом появились в самых привлекательных местах выставки.

Тем не менее, у них была подпись Тан Цы.

От злости она даже топнула ногой и, не выдержав, даже разорвала картину в клочья.

В результате этого с тех пор она никому не показывала картины. Все предполагали, что ее нарисовала Тан Цы. Это, и вдобавок, соседка Тан Цы сказала, что она заранее сказала, что в настоящее время работает над рисунком, связанным с ночным небом.

Это было то самое «Ночное небо».

На самом деле, оно не называлось «Ночным небом», Тан Цы назвала его «Вечным».

Вскоре после этого Тан Цы была провозглашена вундеркиндом искусства. Что касается Шуми… за ее спиной все говорили о том, что она была недалекой, потому что на самом деле ревновала к своей старшей сестре.

На этом ее десятилетняя карьера художника подошла к концу.

С того дня она больше никогда не прикасалась к кисточке.

— Шуми, посмотри на эту картину, она не так уж плоха, — Сюй Минчжу указала на картину маслом под названием «Принцесса за вечерним ужином».

Шуми оглянулась и покачала головой.

— Это плохо? — Сюй Минчжу пожала плечами: — Я знаю, что не разбираюсь в этом.

Оттенки были слишком насыщенными, а выражения лиц, изображенные на картине, были не совсем правильными. Принцесса благородна и горда, но это не должно отражаться на зависти других дам. Сама по себе принцесса была дворянкой, ее выражения, движения, мысли – все это должно быть усиленно подчеркнуто картиной.

Тан Шуми уверенно объяснила:

— Ценность произведения искусства следует оценивать, связывая фон создания и настроение создателя. Поскольку мы не понимаем художника, мы можем найти подсказки только в их живописи. Произведение искусства – это история, и если история может быть хорошо передана, то и картина, естественно, будет хороша.

После того, как она сказала это, Сюй Минчжу, казалось, немного поняла:

— Ты говоришь, что эта картина слишком поверхностна?

— Догадливая, — в уголках глаз Тан Шуми появились морщинки от ее улыбки.

Гордая собой, Сюй Минчжу торжествующе вздернула подбородок. Она вдруг почувствовала, что это художественная выставка не совсем скучная.

Брови Тан Шуми на мгновение нахмурились.

Художником этой картины была…

— Тан Цы? — Сюй Минчжу проследила за ее взглядом до подписи в правом нижнем углу.

Хотя она не знала, что случилось с Тан Шуми в прошлом, но она определенно знала, как сильно Шуми ненавидела Тан Цы.

Тан Шуми быстро взяла себя в руки, она мгновенно изменила свое подавленное настроение:

— Пойдем, разве ты не хотела уйти пораньше?

— Я давно хотела уйти, — подмигнула Сюй Минчжу. — У семьи Цзи новый выпуск, я заранее записалась на прием, хочешь пойти?

Тан Шуми согласно кивнула.

— Мими.

В этот момент раздался слащаво-сладкий женский голос.

Сюй Минчжу обернулась и увидела длинноволосую женщину, одетую в белое шифоновое платье, инкрустированное жемчугом, и обернутую в шаль. Она неторопливо шла с мягкой и спокойной улыбкой на лице.

«Белый лотос в расцвете сил», — подумала Сюй Минчжу.

Для Шуми не было неожиданностью, что Тан Цы появится на художественной выставке, но она не ожидала, что Цзи Линьчэнь будет стоять за Тан Цы.

Всегда безразличная к чувствам Шуми вдруг почувствовала, что ее настроение испортилось.

Она тихонько фыркнула, подхватила сумочку Birkin и пошла прочь чрезвычайно надменными шагами.

— Шуми, не уходи. Мы, сестры, давно не виделись, пойдем наверх и поговорим за чашечкой кофе, — Тан Цы сохранила самообладание, шагнув вперед, чтобы преградить ей путь, и краем глаза взглянула на Цзи Линьчэня: — Я только что спросила директора Цзи о тебе, но не думала, что ты будешь здесь. Директор Цзи сказал, что ты не пошла с ним.

Тан Цы рассмеялась, и насмехалась:

— Неужели ваши руки должны быть склеены вместе, чтобы показать, что вы «вместе»!

В настоящее время никто не мог понять, что Тан Цы издевается над внешне гармоничным образом Цзи Линьчэня и Тан Шуми и их разделенными сердцами, а также их слабой привязанности друг к другу.

Тан Шуми оттолкнула руку Тан Цы и искоса взглянула на Цзи Линьчэня.

Ты только что вернулсь домой и не мог дождаться, чтобы публично повредить моей репутации?

— Мисс Тан, президент Цзи… — увидев взгляд своего босса, Чжао Янь шагнул вперед, чтобы объяснить.

Но он не успел закончить вторую половину своих слов, так как Тан Шуми прошептала что-то,

отмахнулась, повернулась и ушла.

Она никогда бы не стала подыгрывать Тан Цы.

Она шла, стуча каблуками, и прямая спина Тан Шуми была напряжена.

Сюй Минчжу последовала за ней и не могла не вздохнуть, Шуми можно было назвать хрупкой, но гордой.

После того, как Тан Шуми ушла, Тан Цы повернулась к Цзи Линьчэню с извиняющейся улыбкой и сделала вид, что ей очень трудно говорить:

— Моя сестра – ее характер всегда был неразумным, она дикая и избалованная, я надеюсь, что директор Цзи сможет простить ее.

Закончив свои слова, она продолжила со вздохом в глубоком волнении:

— Ничего не поделаешь, это семья, объединенная браком. Чтобы соединить и связать двух незнакомых людей вместе, это нормально быть несовместимыми.

— У Шуми великая личность, мы не несовместимы, — у Цзи Линьчэня был безэмоциональный вид, его голос источал отчужденное чувство.

Холодный и отстраненный ответ Цзи Линьчэнь застал Тан Цы врасплох, но она все еще продолжала улыбаться:

— В выставочном зале на третьем этаже есть работа известного итальянского художника Джованни. На нее стоит посмотреть, не хочет ли директор Цзи подняться?

— Нет, — отказался Цзи Линьчэнь.

Если бы ему не поручили эту задачу от старой госпожи семьи Цзи, чтобы появиться на художественной выставке, которой руководил внук ее близкой подруги, художественная выставка такого уровня никогда не имела бы квалификации, чтобы войти в его расписание.

Цзи Линьчэнь поднял руку и посмотрел на часы. Уже пора было уходить, и он велел Чжао Яню попрощаться со спонсором.

И сам немедленно ушел.

Как только он вышел из главных дверей выставочного зала, у входа уже стояла машина.

Чжао Янь первым направился вперед, чтобы открыть дверцу машины.

— Директор Цзи! — Тан Цы толкнула вращающиеся двери и поспешно вышла.

Цзи Линьчэнь, который хотел сесть в машину, нахмурился.

— Директор Цзи, у меня есть дело, о котором я хочу поговорить с вами, — она взглянула на Чжао Яня и других его телохранителей.

— Мисс Тан, если у вас есть дела, то вы можете пойти в штаб-квартиру корпорации и попросить консультацию у администратора. Если вам это не подходит, есть горячая линия для вопросов, — основываясь на своей догадке по выражению лица своего босса, Чжао Янь почтительно сообщил ей.

— Директор Цзи определенно захочет это знать, — уверенно продолжала Тан Цы, — это касается Тан Шуми.

http://tl.rulate.ru/book/38453/1313528